

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.97

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-169-180>**Криминологическая трансформация коррупции
и механизм противодействия****Е.В. Стебенева¹**¹Санкт-Петербургский университет МВД России

ул. Летчика Пилутова, д. 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

✉e-mail: st.el@list.ru

Резюме

Актуальность. Коррупция как негативный социальный феномен, обуславливает потребность в определении наиболее эффективных мер ее профилактики, что выделяет необходимость поиска механизмов противодействия и приоритетных антикоррупционных направлений деятельности. Выражение коррупции через коррупционные преступления и иные правонарушения коррупционной направленности, встраивающиеся в общественные отношения различных социальных сфер, предопределяет постановку проблемы в недостаточности изученности коррупции как социокультурного явления и его особенностей, изменений, трансформаций в современном обществе.

Цель исследования: заключается в определении особенностей трансформаций коррупции и механизма криминологического противодействия ей как негативному социокультурному феномену современного общества.

Задачи: научное осмысление коррупции как социокультурного феномена и её трансформаций в современном обществе; моделирование механизма противодействия коррупции в виде криминологического конструкта и раскрытие входящих в него концептуально-стратегических, субъектно-объектных элементов под антикоррупционным идеологическим началом.

Методология исследования выразилась в совокупности общенаучных и частнонаучных методов познания: диалектического, логико-эпистемологического, гносеологического; функционального, сравнительно-правового, социологического, психологического методов; метода моделирования, рискологического анализа.

Результаты. Определены возможные трансформации коррупции как социокультурного феномена и ее криминологические предпосылки; особенности изменения коррупции в современных условиях через анализ трансформации личности преступника, коррупционного преступного поведения, что предопределило антикоррупционные меры и легло в основу механизма криминологического противодействия коррупции.

Выводы. Результаты исследования вносят определенный вклад в разрешение проблемы предупреждения коррупции путем разработки модели криминологического механизма противодействия исследуемому феномену и определения элементов (звеньев), составляющих указанный конструкт с учетом современных трансформаций коррупционных деяний и личности преступника, что послужило основой авторских предложений по совершенствованию антикоррупционной деятельности и законодательства, обеспечивающего ее.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; антикоррупционная деятельность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Стебенева Е.В. Криминологическая трансформация коррупции и механизм противодействия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 5. С. 169–180. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-169-180>.

Поступила в редакцию 14.09.2025

Принята к публикации 01.10.2025

Опубликована 31.10.2025

Criminological transformation of corruption and the mechanism of counteraction

Elena V. Stebeneva¹

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
1 Pilyutova Str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

 e-mail: st.el@list.ru

Abstract

Relevance. Corruption as a negative social phenomenon, necessitates the identification of the most effective measures for its prevention, highlighting the need to find mechanisms for countering corruption and identifying priority anti-corruption activities. The expression of corruption through corruption crimes and other corruption-related offenses that are integrated into social relations in various social spheres determines the problem of insufficient study of corruption as a sociocultural phenomenon and its features, changes, and transformations in modern society.

Research objective is to identify the features of corruption transformations and the mechanism of criminological counteraction to it as a negative sociocultural phenomenon in modern society.

Objectives: scientific understanding of corruption as a sociocultural phenomenon and its transformations in modern society; modeling the mechanism of countering corruption as a criminological construct and disclosure of its members conceptual, strategic, and subject-object elements under the anti-corruption ideological principle.

The research methodology is based on a combination of general scientific and specific scientific methods of cognition, including dialectical, logical-epistemological, and gnoseological methods, as well as functional, comparative legal, sociological, and psychological methods, and the method of modeling and risk analysis.

Results. The author identifies possible transformations of corruption as a sociocultural phenomenon and its criminological prerequisites; the features of corruption's transformation in modern conditions are analyzed through the transformation of the criminal's personality and corrupt criminal behavior, which predetermined anti-corruption measures and formed the basis for the mechanism of criminological counteraction to corruption.

Conclusions. The research results make a certain contribution to solving the problem of preventing corruption by developing a model of the criminological mechanism of countering the phenomenon under study and identifying the elements (links) of the components of this construct, taking into account the current transformations of corruption acts and the personality of the criminal, which served as the basis for the author's proposals for improving anti-corruption activities and the legislation that ensures them.

Keywords: corruption; anti-corruption; anti-corruption activities.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Stebeneva E.V. Criminological transformation of corruption and the mechanism of counteraction. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(5):169–180. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-169-180>.

Received 14.09.2025

Accepted 01.10.2025

Published 31.10.2025

Введение

Обеспечение национальной безопасности государства невозможно без противодействия одной из глобальных угроз – коррупции как негативному социальному явлению, оказывающему влияние на стабильное функционирование и развитие экономики, общества и государства в целом. Изменения в общественных отно-

шениях в различных социальных сферах, несомненно, влекут криминологическую трансформацию коррупции, что находит выражение в видах, формах и способах совершения коррупционных деяний, среди которых наибольшей общественной опасностью обладают коррупционные преступления, что обуславливает актуальность представленного исследования

и обозначает значимость рассмотрения выявленной проблематики.

За последние годы (2020 г. – 30813 фактов; 2021 г. – 35051 фактов; 2022 г. – 35340 фактов; 2023 г. – 36407 фактов; 2024 г. – 38503 факта¹ [1]) отмечается возрастающая тенденция зарегистрированных преступлений коррупционной направленности. При этом, полагаем, что статистические данные не дают полноценно оценить реальное состояние коррупционной преступности ввиду высокой латентности рассматриваемого вида деяний, чему в немалой степени способствует специфика коррупционного преступного поведения, а это, в свою очередь, сказывается на сложности его изучения и существующей дискуссионности в подходах его исследования и требуемых мер антикоррупционного противодействия.

Методология

Используемые при исследовании общенаучные методы, такие как диалектический, логико-эпистемологический, гносеологический, метод рационалистической дедукции, способствовали рассмотрению коррупции и её содержания, сущности, криминологических предпосылок трансформации, не только с учетом уже устоявшихся мнений ученых, но и в авторском видении феномена коррупции как социокультурного явления и его места в социальной матрице современного общества. Метод моделирования позволил представить криминологический конструкт (примерную модель) механизма противодействия коррупции и разделить его структурные элементы (звенья) в их взаимосвязи.

Специальные методы реализованы через метод правовой оценки (сравнительно-правовой, историко-правовой), способствовавший анализу содержания

коррупционных преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности, коррупционных детерминантов, антикоррупционного механизма противодействия, системы и норм антикоррупционного законодательства; социологический метод позволил использовать опрос, анкетирование для исследования личности преступника; метод статистического криминологического анализа использован в выведении и обосновании авторской позиции по определению состояния преступности и особенностей ее трансформации.

Использование психологического метода позволило применить метод балльных оценок в сравнительном исследовании личности преступников, совершивших коррупционные преступления, и правопослушных лиц; метод рискологического анализа применен при определении методики оценки антикоррупционной устойчивости (защищенности) организации.

Таким образом, примененный методологический плюрализм целесообразен ввиду сложности изучаемого феномена.

Результаты и их обсуждение

Истоком коррупции как негативного социального феномена является зарождение государства как самостоятельного института общества, что предопределяет востребованность использования историко-правового подхода в изучении данного явления, с учетом которого становится возможным выявить основные криминологические предпосылки трансформации коррупции:

1. Зарождению коррупции способствуют государственные формирования даже в их зачаточном (неразвитом) виде, что делает ключевым звеном криминологической трансформации коррупции именно незаконные действия должностных лиц (специальных субъектов), на основе деяний которых и определяется ядро коррупции в целом, вокруг которого

¹ Состояние преступности по России за январь-декабрь 2012-2024 гг. // Министерство внутренних дел Рос. Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 10.08.2025).

впоследствии образуются коррупционные правонарушения иных лиц.

2. Наибольшее проявление и трансформацию коррупционные деяния имеют в период масштабных государственных реформ; при быстротечном (стремительном) переходе от одного общественного уклада к другому, при смене государственного устройства, экономической системы, одним словом, при изменении социальной парадигмы, что влечет за собой видоизменение не только формы государственного управления, уклада жизни, экономических отношений, но и культурных, духовных и в целом идеологических ориентиров.

3. Незрелость правовой системы и, как следствие, несформированность законодательства влечет за собой проявления коррупции, которые не только не подпадают под категорию незаконных, но и возводятся в допустимые (не запрещенные правом) формы деяний (как, например, существовавшее ранее кормление).

4. Формирование антикоррупционного законодательства, укрепление правового механизма его реализации влечет за собой затруднения сокрытия коррупционной деятельности, что приводит к изобретению новых, более латентных способов совершения коррупционных деяний; к развитию разветвленных коррумпированных структур; созданию полуправовальных схем распределения коррупционных доходов и их использования; к сращиванию криминальных структур и государственных органов.

Криминологическая трансформация коррупции и ее мимикрирование под различные социальные отношения приводит к ее негласной институализации, что наделяет ее определенными социальными функциями, несущей отдельные социальные нагрузки, выступая нелегальным социальным институтом, способствующим: незаконному устранению, сокращению, снижению необходимых административных барьеров; упрощению, ускорению

принятия решений уполномоченными лицами в обход требуемых процедур; искусственной оптимизации деятельности должностных лиц и иных участников коррупционных отношений в различных сферах; фиктивному упрощению консолидации социальных классов и групп; созданию коррумпированных устойчивых связей и сетей, наделение их участников определенными ролями в коррупционных взаимоотношениях; формированию негласных сводов правил (коррупционная культура), выражающаяся в вербальной и невербальной коммуникации, в определенном сленге, символике.

В свою очередь, коррупционное преступное поведение представляет собой отдельный поэтапный механизм [1, с. 22, 97–100], который трансформируется через преобразование форм, способов совершения, изменение видов коррупционных деяний под воздействием общественных отношений и правовой оценки деятельности виновных лиц. Криминологические особенности коррупционного преступного поведения заключаются в неизменности мотивации, трудно поддающейся трансформации, но при этом в изменчивости потребностей, интересов, ценностей, формирующих её; в формировании мотивации под воздействием распространенных в обществе поведенческих установок, паттернов (культура потребления). Также особенностью рассматриваемого поведения является внутренний конфликт интересов, разрешаемый через удовлетворение преступных интересов посредством должностного, служебного положения как лицами, обладающими им, так и иными лицами, за счет первых, что идет отчасти вразрез с существующей криминологическо-психологической концепцией отчуждения преступника [2; 3 и др.]. Должностное лицо не отчуждается от общества, а использует в своих корыстных незаконных интересах те ресурсы, которые легитимно предоставило ему общество. Кроме того, коррупционное преступное поведение специ-

фично по субъектам, его осуществляющим, вплоть до наличия коллективного криминологического субъекта, что предопределяет возможную совместную ответственность лица, непосредственно совершившего коррупционное деяние, и лиц, способствовавших этому, создавая благоприятные условия (отсутствие контроля за подчиненными должностными лицами, не принятие мер по устранению коррупционных дисциплинарных нарушений и пр.); лиц, в чьих интересах преступный акт совершался (ст. 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»). Жертвой коррупционного преступного поведения может выступать не только непосредственный пострадавший(шие), но и иметь коллективный характер (коллективная жертва) ввиду неограниченного круга лиц – государство и все общество в целом.

На основе материалов судебной практики¹, определяя специфику коррупционного преступного поведения, выделяются отдельные группы по криминологическим формам проявления коррупции и их трансформациям [1]: 1) преступные деяния, связанные с незаконным получением / передачей денег, имущества, услуг и характеризующиеся подкупом / продажностью (ст. 290-291², 204 УК РФ); 2) преступные деяния, связанные с злоупотреблением своим правом, с незаконной реализацией своих обязанностей из корыстной и иной личной заинтересованности, что обуславливает возможность совершения единолично коррупционного преступления (ст. 285, 299, 305 УК РФ и др.); 3) преступления, совершаемые путем незаконного завладения чу-

жим имуществом с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ и др.).

Ключевым звеном в преступном поведении является личность преступника [2], поэтому нами было проведено, с применением метода опроса в виде анкетирования, метода балльных оценок, сравнительное криминологическое исследование личности преступника², совершившего коррупционное преступление, с учетом уже имеющихся исследований других ученых [3; 4; 5]. Это позволило определить отличия рассматриваемых видов преступников от иных «корыстных» преступников в когнитивном, эмоциональном и волевом аспектах (выше уровень правосознания (постконвенционный уровень морального сознания субъекта), ниже риск-ориентированное поведение, меньше склонность идти на риск при высокой вероятности утраты значимого; более осознанная оценка предполагаемой выгоды; криминальные потенции реализовались на основе личностных убеждений, а не из страха наказания, что оценено как недостаток волевой регуляции), что требуется учитывать при кадровом отборе и превентивной работе с должностными лицами.

Определяя совершение лицом преступления как негативную трансформацию личности, выявлены возможные позитивные ее проявления, выражающиеся

¹ По результатам проведенного автором в 2008-2025 гг. анализа решений судов по уголовным делам, возбужденным по фактам совершения коррупционных преступлений, содержащимся в архивах судов Санкт-Петербурга; по информации на сайтах справочных правовых систем «Консультант-Плюс», «Гарант», на сайте судебных и нормативных актов РФ Sudakt.ru.

² Согласно результатам проведенного автором в 2023-2024 гг. анкетирования осужденных, бывших должностных лиц, отбывавших наказание за совершение коррупционных преступлений в ФКУ ИК-11 ГУФСИН Нижегородской области; ФКУ ИК-3 УФСИН по Рязанской области (для бывших сотрудников правоохранительных органов); осужденных за корыстные преступления, отбывавших наказание в ФКУ ИК -12, ФКУ ИК-20 УФСИН России по Вологодской области; опрос действующих сотрудников органов внутренних дел с целью сравнительного исследования по изучению личности преступника, совершившего коррупционные преступления (всего 200 чел.).

через отношение к содеянному и к примененному наказанию. Так, говоря о криминологической трансформации личности, мы должны брать во внимание не только ее криминализацию, но и трансформацию личности преступника с позитивным вектором после совершения преступления (если не был изобличен) или отбывающего наказание [6]. Например, в ходе опроса лиц, осужденных за совершение коррупционных преступлений, преобладающее большинство респондентов ответили отрицательно, что совершение преступления было необходимо¹.

В свою очередь, это предопределяет приоритетность мер противодействия коррупции, помимо усиления материальной обеспеченности, социальной защищенности, виктимологической профилактики и соблюдения принципа неотвратимости наказания и пр., высокую востребованность в формировании антикоррупционной идеологии, зиждущейся на симбиозе общественно приоритетных и позитивных ценностях, идеях, концептах, культуре, что оказывает воздействие на развитие позитивного вектора трансформации личности как уже совершивших коррупционное преступление, так и у правопослушных граждан.

Однако ни коррупция как негативный социальный феномен, ни коррупционное преступное поведение не возникает само по себе без детерминирующих их факторов. Определяя доминирующим фактором, детерминирующим коррупционные деяния, коррупционную идеологию, являющуюся отчасти криминальной, формированию и укреплению которой способствует укоренившаяся в со-

временном обществе, главным образом, идеология потребления, рассогласованность принимаемых мер противодействия, ущербность ценностной социальной парадигмы, негативная идеологическая ментальность дает основание отдать приоритет в механизме криминологического противодействия коррупции антикоррупционной идеологии.

Таким образом, соглашаясь с мнением других исследователей [7, с. 40] и определяя с криминолого-делинквентных научных позиций коррупцию как явление, существующее в своем разнообразии в социальной матрице современного общества [8, с. 82], противодействие указанному явлению видится нам через привитие антикоррупционной идеологии социальными институтами посредством формирования соответствующей культуры (формирование антикоррупционного поведения, мировоззрения и пр.).

Выявленная нами институциональная зависимость в обеспечении национальной и криминологической безопасности государства предопределила формирование механизма противодействия коррупции как составляющей антикоррупционной безопасности. Это обосновало востребованность в разработке механизма криминологического противодействия коррупции в виде совокупности социальных отношений, связанных с осуществлением мер по выявлению, устранению, нейтрализации коррупционных факторов, направленных на борьбу с коррупционными проявлениями, на ликвидацию, минимизацию негативных последствий от коррупционных преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности на различных уровнях, направлениях реализации соответствующими субъектами по объектам антикоррупционного воздействия, базируясь на идеологической, доктринально-концептуальной и тактико-стратегической основе (возможно даже говорить о криминологической антикоррупционной политике, т. к. некоторые

¹ Согласно результатам проведенного автором в 2023-2024 гг. анкетирования осужденных, бывших должностных лиц, отбывавших наказание за совершение коррупционных преступлений в ФКУ ИК-11 ГУ ФСИН Нижегородской области, ФКУ ИК-3 УФСИН по Рязанской области (для бывших сотрудников правоохранительных органов) (всего 100 чел.).

ученые разделяют предупреждение преступности как криминологическую политику и политику борьбы с преступностью как уголовную политику [9]).

Под предметом механизма криминологического противодействия коррупции, по нашему мнению, следует подразумевать, соглашаясь и проводя аналогию с мнениями других ученых [10, с. 12, 27], двойственную социально-правовую природу и неразрывную связь, как между совершенным коррупционным уголовно наказуемым и иным деянием коррупционной направленности, так и с обеспечением антикоррупционного поведения в качестве первичных превентивных мер (например, привитие антикоррупционного стандарта поведения).

Рассматривая целостный механизм криминологического противодействия коррупции через сущность и содержание предмета его воздействия как особых общественных отношений, предлагается представить его в виде структурной модели, содержащей следующие необходимые элементы (звенья): антикоррупционная идеология, доктринально-концептуальные и тактико-стратегические основы криминологического противодействия коррупции, субъекты и объекты антикоррупционной деятельности.

Довлеющее и предопределяющее значение в механизме криминологического противодействия коррупции отводится антикоррупционной идеологии¹, что выражается в наличии концептуально оформленных идей, идеологических векторов антикоррупционной деятельности. Идеология, формирующая в целом антикоррупционный климат, выполняет ряд функций: мировоззренческую, регуля-

тивную, воспитательную, культурную, правовую.

Поддерживая разноуровневый идеологический подход [12, с. 13–14], антикоррупционная идеология, считаем, формируется при синергии трехуровневой структуры (социальный, государственный, личностный) с применением основных антикоррупционных инструментов: стимулирования антикоррупционного поведения; совершенствования антикоррупционного законодательства; антикоррупционного воспитания, самовоспитания, просвещения и пропаганды.

Научное осмысление и анализ антикоррупционных основ в Российской Федерации позволили нам выявить недостающий фундаментально значимый концептуальный элемент механизма криминологического противодействия коррупции, закреплявший бы, с учетом идейной основы, доктринальные положения рассматриваемой деятельности, каковой могла бы выступить Концепция криминологического противодействия коррупции как пример дальнейшего совершенствования доктринально-концептуальных основ антикоррупционной политики в целом [13]. Концепция содержала бы разделы, включающие цели, принципы, приоритетные направления противодействия коррупционным преступлениям, иным правонарушениям коррупционной направленности; механизм реализации. Разработка концептуальных основ рассматриваемой деятельности предполагает интеграцию нормативных правовых актов, составляющих правовую основу антикоррупционной политики по обеспечению криминологической безопасности, а также внесение соответствующих изменений: в Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400; в Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об ос-

¹ Идеологию формируют не только информация, сведения о проводимых мерах, выявленных фактах, но и концепции, законопроекты, оказывающие немалое влияние на «требуемое» осознание (правосознание) идей, взглядов [11, с. 74], а в нашем случае – антикоррупционной идеологии.

новах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; в Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809; в Уголовный кодекс РФ и др.

Концептуальные основы последовательно находят отражение в стратегиях криминологического противодействия коррупции, реализуя антикоррупционную деятельность субъектов через выполнение программного комплекса действий на длительную перспективу. Обозначая приоритеты в рассматриваемой деятельности при опоре на идейные, концептуальные основы, предопределяется востребованность внесения изменений в действующую Национальную стратегию противодействия коррупции, утвержденную Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460, а именно: определение поэтапного программирования; расчет сил, средств, оценок затрат и критериев эффективности; уточнение целей и расширение задач антикоррупционной деятельности [14].

Тактическая реализация противодействия коррупции прослеживается в национальных, региональных, ведомственных планах противодействия коррупции и требует кластерного (модульного) построения с учетом видового разделения коррупции по социальным сферам на основе функционального подхода. Как один из возможных вариантов, можно было бы предложить проблемный подход, а именно связать обозначенные проблемы, задачи и меры по их разрешению, тем самым обеспечив более конкретно блок требуемых управленческих решений¹.

При этом, учитывая разрозненность отечественного антикоррупционного за-

конодательства, одним из возможных предложений совершенствования рассматриваемой деятельности могла бы стать разработка обобщающих Основ противодействия коррупции, включающих концептуальные, стратегические и тактические положения.

Реализация концептуальных и стратегических основ криминологического противодействия коррупции невозможна без определения субъектов и объектов антикоррупционной деятельности. Для совершенствования деятельности субъектов противодействия коррупции общую координирующую роль в их системе необходимо отводить органам прокуратуры; усиливать значимость и степень вовлеченности в антикоррупционную деятельность представителей общественности как организационно-управленческими средствами, так и правовыми, путем внесения соответствующих изменений в ст. 5, 7 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и иные соответствующие нормативные правовые акты.

В механизме криминологического противодействия коррупции закономерным продолжением идеологических, концептуально-стратегических и тактических основ видится реализация приоритетных направлений антикоррупционной деятельности, одним из которых выступает антикоррупционный мониторинг. Необходимость мониторинга эффективности осуществляемой деятельности по противодействию преступности, в том числе коррупционной, отмечали и другие ученые [16, с. 56]. Антикоррупционный мониторинг выражается в оценке эффективности реализации антикоррупционных мер, частное применение которого возможно по методике риск-факторного коррупциогенного анализа антикоррупционной защищенности (устойчивости) организации. Предлагаемая методика призвана дополнить уже существующие методики антикоррупционного мониторинга [17], и построена на критериях

¹ См., например: проблемно-управленческое дерево доктрины государственной политики противодействия коррупции и теневой экономики [15].

и индикаторах, основу которых составляет детерминационный подход [18].

Немаловажное место в антикоррупционной деятельности занимает минимизация и (или) ликвидация последствий коррупции, реализация которой возможна с применением как гражданско-правовой, уголовно-правовой конфискации, возмещения материального, морального вреда потерпевшим от коррупционных деяний в гражданско-правовом порядке, так и путем привлечения лиц, совершивших рассматриваемого вида преступления, к обеспечению национальной безопасности и обороноспособности страны. Однако имеющийся ряд недостатков нормативного правового регулирования указанного направления требует определенных изменений, дополнений в отечественном законодательстве в виде разработки более четких критериев разграничения имущества, денежных средств, подлежащих изъятию в доход государства; исключения неопределенности сроков давности (пусть и более длительных в отличие от иных случаев) взыскания в доход государства имущества, денежных средств от его реализации, законность приобретения которого не доказана; обеспечения возмещения причиненного вреда, путем внесения соответствующих дополнений в УК РФ¹ в нормы об освобождении от уголовной ответственности, наказания по преступлениям, в том числе и коррупционной направленности; конкретизации правового статуса реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия, предусмотренного ст. 15 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и др.

Антикоррупционное законодательство как обязательная составляющая ме-

ханизма криминологического противодействия коррупции, обеспечивающая его устойчивость, правовую регламентацию и эффективность, требует совершенствования и единства, снижая разрозненность, коллизионность нормативных правовых актов и практики их применения, что обуславливает необходимость доктринально-правового сопровождения рассматриваемого вида противодействия и предполагает объединение отечественного антикоррупционного законодательства, выразившееся бы в систематизированном собрании действующих нормативных правовых актов по противодействию коррупции (например, в Своде федерального законодательства по противодействию коррупции в Российской Федерации) [19, с. 11–15].

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов рассматривается нами как, неотъемлемая часть противодействия коррупции. Однако данное антикоррупционное направление имеет ряд проблем в его реализации (о чем констатируют и иные авторы [20; 21]), разрешение которых возможно путем внесения изменений в Методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утверждена постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96), обозначив более четкую дифференциацию закрепленных коррупциогенных факторов по видам нормотворческой деятельности, по видам возможных коррупционных рисков, разделив на виды методику проведения экспертизы, согласно специализации, подлежащих экспертизе актов; установив обязательность устранения выявленных коррупциогенных факторов при подтверждении их реального наличия в ходе рассмотрения заключения экспертизы соответствующим органом (ст. 4, 5 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых

¹ В том числе и в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» и пр.

актов и проектов нормативных правовых актов».) и др.

Выводы

Коррупция как изменяющийся социокультурный феномен, обладающий наибольшей общественной опасностью в уголовно наказуемых деяниях, находит выражение в таких криминологических трансформациях, как правовая, личностная, видовая (а равно в способах и формах), превентивная. Это, в свою очередь, предопределило содержание предлагаемой авторской модели механизма криминологического противодействия коррупции в виде конструкта элементов под доминирующим позитивным целенаправленным идеологическим началом, призванного служить антикоррупционной основой в обеспечении национальной безопасности страны в целом.

Механизм криминологического противодействия коррупции – неотъемлемая часть антикоррупционной политики как составляющей государственной политики государства по обеспечению криминологической безопасности. Осуществление рассматриваемого механизма противодействия включает в себя концептуальные, тактико-стратегические основы,

систему субъектов и объектов предупредительного воздействия.

Объединение правовых актов, регламентирующих антикоррупционную деятельность, должно осуществляться с учетом идеологических, концептуальных, стратегических основ и выступать неотъемлемой частью всего механизма противодействия исследуемому явлению, включающему антикоррупционное законодательство, обеспечивающее согласованность, правовое содержание всей антикоррупционной политики государства (иными словами, формируя антикоррупционный правовой порядок). Устойчивость и гибкость представленного механизма и его эффективность призвано обеспечить именно антикоррупционное законодательство, формируемое с учетом трансформаций общественных отношений, а своевременность введения и направления предпринимаемых мер противодействия обозначается антикоррупционным мониторингом как необходимой частью антикоррупционной деятельности.

При этом реализация криминологического противодействия коррупции осуществляется с учетом единой антикоррупционной идеологии, направленной на привитие морально-нравственных ценностей и установок, формирование антикоррупционного мировоззрения.

Список литературы

1. Бурлаков В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования: монография. СПб.: Акад. МВД России, 1998. 235 с.
2. Антонян Ю.М. Отчуждение личности как причина преступности // Общество и право. 2022. № 2 (80). С. 8-19.
3. Ванновская О.В. Психология коррупционного поведения государственных служащих: монография. 2-е изд. М.: Юрайт, 2023. 251 с.
4. Чернышева Е.В. Психология коррупционного поведения: монография. Екатеринбург: Урал. юрид. ин-т МВД России, 2018. 160 с.
5. Коррупция как социетальный феномен: социологические, социально-психологические и экономические аспекты анализа: коллективная монография / Г.В. Осипов, С.Г. Каропова, С.В. Климовицкий, А.Н. Пинчук, С.В. Некрасов, В.И. Глотов [и др.]. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 280 с.
6. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания: монография. М.: РГ-Пресс, 2018. 400 с.
7. Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков: монография. М.: Дружба народов, 2008. 224 с.

8. Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации: монография. М.: Юридический центр, 2005. 195 с.
9. Дамм И. А. Политика противодействия преступности как новая парадигма взаимодействия общества и государства // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 12-27.
10. Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 208 с.
11. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: монография. Омск: Омская акад. МВД России, 2014. 248 с.
12. Государство и право: безопасность и противодействие коррупции: монография / под ред. И.К. Ларионова, В.В. Шкляра, М.А. Гуреевой. 3-е изд. М.: Дашков и К°, 2022. 414 с.
13. Стебенева Е.В. Доктринально-концептуальные основы криминологического противодействия коррупции // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20, № 2. С. 281-294.
14. Стебенева Е.В. Стратегические основы механизма криминологического противодействия коррупции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 253-257.
15. Доктрина государственной политики противодействия коррупции и теневой экономики в РФ (макет-проект): монография / С.С. Сулакшин, И.Р. Ахметзянова, М.В. Вилисов, С.В. Максимов, Е.С. Сазонова. М.: Научный эксперт, 2009. 216 с.
16. Эминов В.Е., Максимов С.В. Концепция борьбы с организованной и коррупционной преступностью в России: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 80 с.
17. Безденежных В.М. Разработка методики проведения мониторинга противодействия рискам в органах публичной власти // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 6. С. 87.
18. Артеменко Е.А. Риск-ориентированный подход как способ минимизации коррупции в контрольно-надзорной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 94-120.
19. Шишкарёв С.Н. Концептуальные и правовые основы российской антикоррупционной политики: монография. М.: КДУ, 2010. 248 с.
20. Бахтина М.С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: монография. М.: Проспект, 2025. 176 с.
21. Коррупциогенность законодательства: причины, факторы, преодоление: монография / Н.Я. Абузярова, В.Ю. Артемов, Б.А. Булаевский, И.С. Власов, Н.А. Голованова, Т.С. Глазырин [и др.]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Контракт, 2013. 304 с.

References

1. Burlakov V.N. Criminogenic personality and individual crime prevention: modeling problems. St. Petersburg: Akad. MVD Rossii; 1998. 235 p. (In Russ.)
2. Antonyan Yu.M. Alienation of personality as a cause of crime. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2022;(2):8-19. (In Russ.)
3. Vannovskaya O.V. Psychology of corrupt behavior of civil servants. Moscow: Yurait; 2023. 251 p. (In Russ.)
4. Chernysheva E.V. Psychology of corrupt behavior. Ekaterinburg: Ural. jurid. in-t MVD Rossii; 2018. 160 p. (In Russ.)
5. Osipov G.V., Karepova S.G., Klimovitskii S.V., Pinchuk A.N., Nekrasov S.V., Glotov V.I., et al. Corruption as a societal phenomenon: sociological, socio-psychological and economic aspects of analysis. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2019. 280 p. (In Russ.)
6. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. Psychology of crime and punishment. Moscow: RG-Press; 2018. 400 p. (In Russ.)
7. Kabanov P.A., Raikov G.I., Chirkov D.K. Political corruption in the context of the reform of Russian statehood at the turn of the century. Moscow: Druzhba narodov; 2008. 224 p. (In Russ.)
8. Golik Yu.V., Karasev V.I. Corruption as a mechanism of social degradation. Moscow: Yuridicheskii tsentr; 2005. 195p. (In Russ.)

9. Damm I.A. Crime prevention policy as a new paradigm of interaction between society and the state. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2024;17(1):12-27. (In Russ.)
10. Prokhorov V.S., Kropachev N.M., Tarbagaev A.N. The mechanism of criminal law regulation. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta; 1989. 208 p. (In Russ.)
11. Bavsun M.V. Criminal law impact: ideology, goals and means of implementation. Omsk: Omsk. akad. MVD Rossii; 2014. 248 p. (In Russ.)
12. Larionov I.K., Shklyar V.V., Gureeva M.A. (eds.) State and law: security and anti-corruption. Moscow: Dashkov i K°; 2022. 414 p. (In Russ.)
13. Stebeneva E.V. Doctrinal and conceptual foundations of criminological counteraction to corruption. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal enforcement law*. 2025;20(2):281-294. (In Russ.)
14. Stebeneva E.V. Strategic foundations of the mechanism of criminological counteraction to corruption. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;31(3):253-257. (In Russ.)
15. Sulakshin S.S., Akhmetzyanova I.R., Vilisov M.V., Maksimov S.V., Sazonova E.S. The doctrine of the state policy of combating corruption and the shadow economy in the Russian Federation (mock-up project). Moscow: Nauchnyi ekspert; 2009. 216 p. (In Russ.)
16. Eminov V.E., Maksimov S.V. The concept of combating organized and corrupt crime in Russia. Moscow: Norma; INFRA-M; 2015. 80 p. (In Russ.)
17. Bezdenzhnykh V.M. Development of a methodology for monitoring risk management in public authorities. *Vestnik evraziiskoi nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2024;16(6):87. (In Russ.)
18. Artemenko E.A. Risk-based approach as a way to minimize corruption in control and supervisory activities. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2022;(2):94-120. (In Russ.)
19. Shishkarev S.N. Conceptual and legal foundations of Russian anti-corruption policy. Moscow: KDU; 2010. 248 p. (In Russ.)
20. Bakhtina M.S. Administrative and legal bases of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects. Moscow: Prospekt; 2025. 176 p. (In Russ.)
21. Abuzyarova N.Ya., Artemov V.Yu., Bulaevskii B.A., Vlasov I.S., Golovanova N.A., Glazyrin T.S., et al. Corruption-related legislation: causes, factors, overcoming. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF; Kontrakt; 2013. 304 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Стебенева Елена Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: st.el@list.ru,
ORCID: 0000-0002-3659-3595

Elena V. Stebeneva, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Doctoral Student of the Research Department, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: st.el@list.ru,
ORCID: 0000-0002-3659-3595